

Р. Льюис¹

КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРАТИВ — ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В XXI ВЕКЕ

Эта конференция проводится в то время, когда специалисты по межкультурному взаимодействию ведут активные дебаты о будущем человечества

¹ Основатель Международного института языкового и кросс-культурного тренинга “Richard Lewis Communications” (Великобритания), профессор. Автор нового подхода к проблемам анализа кросс-культурных коммуникаций. Более 40 лет работает в области прикладной и антропологической лингвистики. Основатель языковой школы Berlitz в Восточной Азии, Финляндии, Португалии, школы Linguagrama в Riversdown House. Автор большого количества книг на темы межкультурного взаимодействия, в т. ч.: “When Cultures Collide”, “Cross-Cultural Communication, a Visual Approach”, “The Cultural Imperative”, “Humour Across Frontiers”, “Finland: Cultural Lone Wolf”, “When Teams Collide”, “Fish Can’t See Water” и др. Автор первой в мире телевизионной серии уроков английского языка (1961). Советник по культуре Всемирного банка. Кавалер ордена Льва Финляндии. Удостоен премии за самую инновационную технологию Университета Дьюка (США), премии основателей Общества межкультурного образования, обучения и исследований (SIETAR).

в XXI веке. В эпоху развития глобализации встают вопросы о важности и влиянии культурных различий, которые, по всей вероятности, помешают продвижению по пути выработки общих законов, целей и способов поведения.

Сокращаются ли культурные различия в то время, когда торговля становится все более интернациональной, а Интернет распространяется повсеместно? Или основы культуры настолько различны и многообразны, что глобальной конвергенции идеалов никогда не произойдет? Продолжит ли усиливаться национализм, примеры которого мы видим в настоящее время? Будут ли гендерные факторы, важность которых возрастает, перевешивать национальные особенности? Будут ли перемещения границ и объединения стран происходить вдоль цивилизационных линий разлома, как предсказывал Самюэль Хантингтон, или национальные

черты и дальше будут доминировать? Завершилась ли история в 1989 году, как полагает Фрэнсис Фукуяма? И находятся ли под угрозой исчезновения из-за генной инженерии общие межкультурные черты, запрограммированные в нас эволюцией?

Когда в 1950-е годы позитивизм взял верх в общественных науках в американских университетах, культурное разнообразие описывалось как нечто «легко поддающееся влиянию», основанное на неточных знаниях, а позитивизм сам по себе — как связанный с культурой. В закрытом мире академического сообщества стало модно искать объяснения человеческого поведения на основании двух «надежных» теорий: генетического детерминизма и экономического детерминизма. 12 февраля 2001 года (по совпадению, в день рождения Дарвина) генетическому детерминизму был нанесен смертельный удар. Две группы исследователей опубликовали официальный отчет с данными о человеческом геноме, показав, что 99,9 % генов всех людей, несмотря на их видимое разнообразие, совпадают. Судя по этому открытию, все люди должны быть невероятно похожи, если генетический код определяет поведение. Но, конечно, мы далеко не одинаковы.

Изучение экономического детерминизма также показало его несостоятельность. И это ведет нас к третьей возможности — к **культурному детерминизму**. Лоуренс Харрисон и Самюэль Хантингтон в своей книге «Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют прогрессу человечества» (2001) повторяют заявления, сделанные Эдвардом Холлом, Гертом Хофстеде и мною в моей более ранней работе «Столкновение культур» (1996): *культура имеет наибольшее значение для экономического развития* (а не наоборот). Разве можно не учитывать развитие культуры, начавшееся в Древней Греции и Риме и происшедшее затем под влиянием христианской религии и европейской эпохи Возрождения? Можно ли легко остановить эту движущую силу, работающую 2000 лет? Непрерывно развивающиеся культуры в большой степени определяют жизнь современного человека в Китае, Индии, Франции, Испании, Японии и других местах. Культура передается целым рядом субъектов — родителями, сверстниками, социальными институтами — но *правительства* обоснованно заинтересованы в общих культурных ценностях для всех граждан, чтобы снизить возможность конфликтов на почве культуры или религии. Образовательные системы транслируют и усиливают национальную культуру; истории обучают «продуманно», часто она «модифицируется» ради консолидации общих ценностей и даже мифов. Такие персонажи, как Наполеон, Петр Великий, Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн и королева Елизавета I часто изображаются в благоприятном свете как часть культурного наследия.

Культура нации — это ее *программа или сценарий выживания* и, надо надеяться, успеха. Стоит отметить, что в настоящее время тенденция к росту национализма наиболее очевидна в странах или у народов, которые традиционно *стремились выжить* — в Польше, Венгрии, Чехии, Корее, Австрии, Каталонии и у курдов. Положение Польши и Кореи уязвимо, поскольку

они зажаты между сильными соседями; венгры, чехи и австрийцы оплакивают потерю территории; на Каталонию давит Мадрид, на курдов — Турция. Национализм или популизм также показывают зубы в англоговорящем мире. Брексит, не имеющий никакого политического и еще меньше — экономического смысла, — чисто культурное решение, отражающее островное положение страны, беспокойство и тревогу британцев, когда приходится иметь дело с «иностранцами». Культура американского рабочего класса с его растущим чувством неуверенности, утратой влияния и свободы выбора позволила Трампу пропагандировать национализм («Америка прежде всего»).

Становится понятно, что если либерализм был явно наследием Просвещения, то им же был и национализм, успешно и более надежно внедренный в мировую политику, чем идеологические системы, такие как коммунизм, капитализм и даже либерализм. Создание Европейского союза стало самой энергичной попыткой минимизации национализма. Хотя Европейский союз избавился от войн между своими участниками, сейчас он подвергается резкой критике в Нидерландах, Австрии, Польше, Венгрии и в других странах Восточной Европы, не говоря уже о проблемах Италии в еврозоне и, конечно, об ударе, нанесенном брекситом. Союз, который, как кажется, направлен на экономическую и политическую сплоченность и целостность, к середине столетия может перейти к борьбе за выживание, если народные партии продолжат усиливать свои позиции (даже в странах-основателях, таких как Франция и Германия!).

Движущие силы XXI века

Какие силы — культурные, цивилизационные или другие — с наибольшей вероятностью будут формировать контуры человеческой деятельности в XXI веке? Кажется, история указывает нам на то, что пики развития цивилизации наблюдались последовательно и системно в направлении с Востока на Запад. Происходил последовательный расцвет культур в Древнем Китае и Индии, отсюда он переместился на Средний Восток (в Месопотамию, Египет), в Грецию, Рим, страны Европейского Возрождения, Великобританию (в период империи), а затем в Америку XX века. Похоже, сейчас снова пришел черед Китая! В свете последних достижений экономического развития КНР это предположение уже не выглядит наивным.

Несмотря на достоинства глобализации, имеются доказательства, заставляющие предположить, что движущие силы, направляющие судьбу человечества, будут ограничены количественно (четыре, пять или шесть) и будут связаны с *размером* (населения, территории, объемом полезных ископаемых или численностью вооруженных сил). В XXI веке на сцену выйдет группа *больших актеров*, которые будут играть ведущие или доминирующие роли. Более мелкие страны, независимые или изолированные, уменьшат свое влияние или окажутся вместе с крупнейшими игроками (образуя возможный блок).

Двигателями силы и прогресса в нынешнем столетии должны быть Китай, Индия, Россия и Запад (Евро-

па плюс Северная Америка). Китай и Индия поднимаются благодаря нагиску своего многочисленного населения и древней культуре. Россия, если удержит свои поражающие разум территории, в достаточной мере будет обладать евразийской широтой видения и военной мощью для того, чтобы стать лидером. Хотя Запад, как кажется, находится в упадке, его нельзя недооценивать. Это происходит из-за его веры в превосходство моноактивности.

Три типа культур

Модель Льюиса (параметры поведения) — это предложение разделить мировые культуры на три типа, а именно: моноактивные, полиактивные и реактивные.

Моноактивные люди (например, немцы) ориентированы на выполнение задач. Они высокоорганизованы, планируют свои действия, выполняют задачи, делая по одному делу за раз в соответствии с четким планом и по расписанию.

Полиактивные люди (например, представители романских стран) эмоциональны, словоохотливы и импульсивны, они придают большое значение семье, чувствам, взаимоотношениям. Они любят делать много дел одновременно и плохо работают по плану.

Реактивные люди (например, азиаты) умеют хорошо слушать, они редко иницируют действия или обсуждения, предпочитая вначале выслушать и выяснить позицию оппонента, а затем реагируют на нее.

Чувство превосходства моноактивных людей

Моноактивное поведение — англо-германский феномен, возникший на северо-западе Европы и благодаря колонизации распространившийся в Северной Америке, ЮАР, Австралии и Новой Зеландии. Из негерманских народов этот тип включает только финнов, но даже они частично реактивны. Два континента — Северная Америка (за вычетом Мексики) и Австралия — полностью моноактивны. Поразительно разные судьбы Северной и Южной Америки (последняя была колонизована полиактивными испанцами и португальцами) являются свидетельством огромной разницы в поведении двух типов. История могла бы сложиться совсем по-другому, если бы Колумб пошел северо-западным курсом дальше к Флориде или отцы-пилигримы сбились с курса (как Кабрал) и поселились на северо-востоке Бразилии.

Важно отметить, что благодаря неожиданным поворотам судьбы или историческим случайностям, начиная с XVIII века и далее англо-германский блок начал считать себя *превосходящим* другие типы культуры по эффективности и в торговле, и в способности править. Эта убежденность в своем превосходстве в сочетании с драйвом — возможно, порождение холодного климата и умения жить в нем, энергичности, протестантского реформистского рвения или немецкой тщательности и скрупулезности. Определенно, эта уверенность усилилась после английской промышленной революции, быстрого развития британских и американских мануфактур (чему способствовали богатые запасы угля) и благодаря постоянному наличию в англосаксонских и скандинавских обществах демократических институтов. Эта вера поддерживалась тем фак-

том, что моноактивные «державы», хотя в них насчитывалось всего 700 млн человек, лидировали до и после двух мировых войн, а потом оказались *de facto* (на деле, фактически — лат.) мировыми лидерами. Это лидерство основывалось на военной мощи и, что еще важнее, — на более чем 50 % мирового ВВП.

Это ощущение превосходства, особенно в англоговорящем мире, но не в меньшей степени присущее также немцам, голландцам, швейцарцам и скандинавам, *до сих пор не уменьшилось*. Самодовольство Запада пока не побеждено. В моноактивных странах все еще жива идея, что их системы управления, их понимание справедливости, их отношение к правам человека, их интеллектуально развитые общества, сочетание работы и отдыха, их право вести за собой других и давать советы, их методы ведения бизнеса и способность поддерживать определенный уровень производства и высокий уровень жизни являются пригодными и целесообразными для будущего.

Однако существуют и другие точки зрения. Примерно в 2011–2012 годах статистика показала, что объем ВВП не-моноактивных народов мира (полиактивных и реактивных, вместе взятых) превысил объем ВВП моноактивных. Все же в не-моноактивных странах проживает свыше 6 млрд человек, а быстрое развитие китайской экономики предполагает, что доля вклада Запада в мировое производство будет все время сокращаться. Прогнозируется, что китайская экономика обгонит экономику Соединенных Штатов, а голодная Индия станет крупнейшим мировым рынком (по прогнозам, ее население к 2030 году составит 1,5 млрд человек). Другие быстро растущие и развивающиеся народы создают рынки с большим спросом в Индонезии, Нигерии, Пакистане, Бразилии, Бангладеш, Мексике и Эфиопии — в указанном порядке.

Куда идет Запад?

Приведенные выше демографические данные выглядят мрачно, если смотреть с точки зрения Запада, и Роберт Самуэльсон в статье «Большая иллюзия» ставит под вопрос доминирование Запада в XXI веке. Он ссылается на опасность распространения ядерного оружия, направленный против Запада терроризм, экономические спады, колебания финансовых рынков и технологический саботаж.

Но списывать Запад со счетов было бы ошибкой. Мы должны помнить, что произошло во время двух мировых войн, когда западная цивилизация оказалась под угрозой. Вероятно, в следующий раз Германия будет в одной лодке с остальными. Жизнеспособность сбалансированного Запада основывается не только на его военной и экономической мощи, которая все еще остается очень внушительной, но и на зрелости и устойчивости западных ценностей. Эти ценности ковались во времена суровых испытаний греческих городов-государств и веками закалялись в эпохи Реформации и Возрождения, принимая демократию, побеждая дьяволов нацизма и коммунизма. Преимуществом Запада в дополнение к базовым ценностям является изобилие социальных и полуполитических институтов. Их насчитываются тысячи — от основных

принципов семьи до авторитета государства. Во многих обществах имеется социальный вакуум между домом и работой. В странах Европы, особенно англосаксонских и скандинавских, люди заняты в клубах, обществах, ассоциациях, мероприятиях разного рода, они занимаются спортом, обучаются на курсах, у них имеются всевозможные хобби. Это плотная ткань западного общества — активного, пульсирующего, изобретательного, во всех смыслах упорно держащегося и неукротимого, с собственной движущей силой. Эта социальная полнота жизни является западной по сути, и она в полной мере воплощается в США. Как написал Хамиш Макрей, наблюдая за американцами, восстающими из пепла, подобно фениксу, и начинающими все с нуля, *будущее начинается здесь*.

Азиатизация

Сокрушительная победа союзников в 1945 году привела к тому, что основные европейские (и другие) страны приняли большую дозу американизации, повторяя американские методы ведения дел в производстве, бухгалтерском учете, маркетинге и продажах. Это не убило их культуры, а материальные преимущества перевесили опасения и недостатки. Однако в дальнейшем негативные последствия американизации стали проявляться в постепенном разрушении или размывании (европейских) ценностей по мере того, как впечатлительная молодежь перенимала многие элементы американского стиля жизни.

Американские методы бизнеса и управления начали сдавать позиции в 1970–1980-е годы, когда «азиатские тигры» переняли успешную японскую модель. Примечательно, что в 1990-е годы Запад часто демонстрировал, что плохо подготовлен для того, чтобы иметь дело с азиатской шепетильностью.

Западным людям в новом столетии необходим новый *modus operandi* (образ действия — *лат.*), если они хотят преуспеть в глобализации своего бизнеса и экспорта. Моноактивные (западные) общества только выиграют, если будут развивать умение ставить себя в положение реактивных и полиактивных людей. В настоящее время технологии делают возможной хорошую осведомленность Востока и Запада друг о друге; в конце концов появится какой-то синтез прогресса и совместного сосуществования с кооперацией деятельности. Размеры азиатского населения и рынков говорят о том, что в конце концов они будут доминировать. Как в 1945-м были очевидны преимущества американизации, так теперь, в XXI веке, можно получить пользу от политики *азиатизации*. Об этом стоит подумать и европейцам, и американцам. Принятие азиатизации в определенной степени ускорит лучшее понимание азиатской ментальности и, возможно, предупредит будущую гегемонию Китая в сфере торговли и политики.

Западу следует внимательно присмотреться к азиатским ценностям, способам коммуникации и организации, и учиться на них. В азиатских системах имеются очевидные преимущества. Также следует изучать «азиатский разум» и его восприятие таких категорий, как

лидерство, статус, принятие решений, переговоры, репутация, взгляды на мораль и нравственность, конфуцианские принципы и т. д.

К счастью, продвижение и рост значимости *женских* ценностей на Западе в период смены столетий в некоторой степени сглаживает путь азиатизации, поскольку многие из женских ценностей совпадают с азиатскими. Как американизация (Европы) продвигалась от влияния на практики ведения бизнеса к внедрению в социальную сферу, так вполне может произойти и с азиатизацией. На людей Запада может повлиять азиатский стиль жизни, они могут принять его элементы, и это будет иметь долгосрочные последствия для их собственного поведения.

Перемена в западном мышлении и поведении внушает тревогу, более того, она может оказаться катастрофической. Такие страны, как Франция, США, Швеция и, возможно, Великобритания и Германия, успешны сами по себе и могут быть менее склонны к модификации своих культур в азиатском направлении, чем менее сильные страны. В настоящее время американцы находят лишь немного недостатков в своей экономической модели, как и французы в своей культурной. Тем не менее, феминизация в некоторой степени уже наблюдается в большинстве западных стран, а растущее недовольство молодого поколения безжалостной эксплуатацией людей и нерациональным использованием природных ресурсов сделает азиатизацию привлекательной политикой. В конце концов, бизнес есть бизнес, а в том регионе живут миллиарды покупателей.

Ни одно описание и ни одна оценка контуров политического, экономического или мирового культурного развития в XXI веке не будут полными без упоминания двух стран вместе с главными игроками, которыми являются Китай, Индия, Россия и Запад. Я говорю про Японию и Канаду. Влияние Японии на события в мире недооценивалось в прошлом, и застой в ее экономике на протяжении последних 20 лет заставляет преуменьшать ее значение в настоящее время. Однако в 2018 году Япония легко занимает третье место в мире по объему ВВП. Вероятно, в будущем ее роль в мире будет связана с ее манерой формирования блоков и союзов. Удастся ли Японии уравнять чаши весов, приняв сторону Востока или Запада?

Канада — тоже темная лошадка. Ее территория составляет 10 млн кв. км — второе место после России. Хотя большая ее часть состоит из пустынных пространств с мерзлотой, быстрое потепление Северного Ледовитого океана во 2-й половине столетия изменит сельское хозяйство Канады, а также использование природных ресурсов и в не меньшей степени — богатых запасов нефти в арктических месторождениях, которые Канада будет делить с Россией и Норвегией. Канада уже занимает десятое место в мире по объему ВВП, а с быстро растущим населением, чему помогает мудрая иммиграционная политика, уже готова стать более активной в международных делах. Уникальным преимуществом является и легкий доступ к огромному рынку США.

Наконец, религия

В 2015 году четырьмя крупнейшими религиозными группами в мире (по убыванию количества приверженцев) были: исповедующие христианство (2,38 млрд), ислам (1,8 млрд), индуизм (1,1 млрд) и буддизм (0,5 млрд). Конфликты и конфронтации между религиями неоднократно приводили к масштабным войнам, и это происходило на протяжении многих веков — начиная с крестоносцев, мусульманской оккупации Испании с VIII века до 1492 года и доминирования Османской империи, которая правила большими частями Европы и Среднего Востока на протяжении 650 лет.

В разные эпохи религиозные споры то усиливались, то ослабевали, и хотя индуисты и буддисты участвовали в долгой борьбе с исламом на протяжении столетий, современная эпоха характеризуется яростной и усилившейся конфронтацией между *христианством и исламом*. Кульминацией стала трагедия 11 сентября, последовавшее за ней вторжение американцев в Афганистан и Ирак и подъем ИГИЛ (ДАИШ), что повлияло на жизни миллионов людей в Сирии и других местах. Сегодняшний антагонизм двух крупнейших религий резко контрастирует с идиллическим сосуществованием ислама, христианства и иудаизма в период, когда общество в Аль-Андалусе (мусульманской Испании) наслаждалось «золотым веком» религиозной терпимости. Можем ли мы снова надеяться на примирение мусульман и христиан?

Ежи Вятр в работе «Новый мировой порядок в XXI веке» указывает, что идеологические конфликты труднее разрешить, чем противоречия между национальными интересами. В то время как умелое применение принципов демократии может привести к приемлемому компромиссу по вопросам границ или в торговой войне, для фанатиков невероятно сложно или даже невозможно отказаться от всей философии или дорогого сердцу вероисповедания.

Позволю себе немного оптимизма в конце рассуждений о религиозных и идеологических столкновениях. Возьму на себя смелость сослаться на фактор, ко-

торый считаю важным, но, как кажется, политические комментаторы и футурологи его не замечают или недооценивают. Мусульман, которых широко обсуждают, в мире насчитывается свыше 2 млрд, и примерно *миллиард из них — женщины*. Есть серьезные свидетельства того, что в XXI веке влияние женщин будет быстро расти, и женщины-мусульманки не могут быть вечно исключены из этого движения.

Я придерживаюсь мнения, что вопросы гендерного равноправия будут стоять в повестке дня этих женщин выше, чем продолжающаяся поддержка разрушения Запада, образ жизни которого воплощает характеристики общества и преимущества, к которым они в конечном счете должны стремиться.

Литература

1. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations / S. P. Huntington. — N.Y. : Simon & Schuster, 1996.
2. *Samuelson R.* The Grand Illusion / R. Samuelson // Newsweek. — 1999–2000. — Dec.–Febr. — Vol. 134.
3. *Wiatr J.* Toward a New World Order of the 21st Century / J. Wiatr // Global World: System Shifts, Challenges and Contours of the Future : The 17th International Likhachov Scientific Conference. — SPb. : SPbUHSS, 2017.
4. *Lewis R. D.* When Cultures Collide / R. D. Lewis. — L. : Nicholas Brealey Publishing, 1996.
5. *Lewis R. D.* The Cultural Imperative / R. D. Lewis. — Yarmouth, ME : Intellectual Press, 2003.
6. *Hammerich K.* Fish Can't See Water / K. Hammerich, R. D. Lewis. — John Wiley & Sons, 2013.
7. *Hall E.* Beyond Culture / E. Hall. — N. Y. : Anchor Books, 1976.
8. *Hall E.* The Hidden Dimension / E. Hall. — Garden City, N. Y. : Doubleday, 1966.
9. *Hall E.* The Silent Language / E. Hall. — N. Y. : Fawcett, 1968.
10. *Hofstede G.* Culture's Consequences / G. Hofstede. — Beverly Hills : Sage Publications, 1980.
11. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. — N. Y. : Free Press, 1992.
12. *Yakovenko A.* Pragmatism and Messiahship in World Politics / A. Yakovenko // Global World: System Shifts, Challenges and Contours of the Future : The 17th International Likhachov Scientific Conference. — SPb. : SPbUHSS, 2017.